
ВЕРОНИКА ВОЛКОВА
ДРАКОН
НА МОЕЙ ДОРОГЕ

Вероника Волкова

Дракон на моей дороге

«Автор»
2026

Волкова В. В.

Дракон на моей дороге / В. В. Волкова — «Автор», 2026

Тася взялась перевезти груз. Теперь у неё под курткой дрожит крошечный дракон, в повозке лежат ещё пять яиц, а человек, которому она доверяла с детства, объявляет её воровкой. За простой заказ обещали достаточно, чтобы расплатиться с долгами. Сколько стоит довезти шестерых детей дракона живыми, в расписке не сказано.Рен Тарр утверждает, что пришёл вернуть их домой. Он умеет становиться драконом, приподнимает повозку одной рукой и терпеливо кормит малыша с ложки. Рядом с ним Тася впервые за эту дорогу позволяет себе уснуть. А потом начинает ждать вечера, чтобы снова поговорить — уже не только о детях.Но Рену нужен получатель груза. Тасе — уверенность, что она не отдаст малышей тем, от кого их следовало спасать. Чем ближе Белый Мост, тем опаснее становится их общий путь. И тем труднее ей помнить, что человек, которому хочется довериться, всё ещё знает об этой перевозке больше, чем она.

© Волкова В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Человек, который знал число 8
Глава 2. Бронзовые крылья 14
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Дракон на моей дороге

Пролог

Из ящика со светильниками кто-то скрёбся.

Тася замерла с расстёгнутой пряжкой сапога. Повозка стояла под навесом за постоялым двором; животные были накормлены, колесо наконец перестало шататься. Она только что устроила себе постель между мешком с овсом и грузом. Впервые за весь день можно было лечь и ничего не делать. Скрежет повторился. Затем внутри что-то негромко стукнуло.

Тася медленно подтянула ногу к себе. Мышь? На складе их хватало. Только этот ящик был сколочен плотно, без щелей, а звук шёл изнутри. Она подняла фонарь. На крышке было написано: «Светильники. Не кантовать». Под надписью тянулась красная черта. Тася провела пальцем вдоль доски и почувствовала тепло. Вот теперь стало страшно. Если груз начал тлеть, она могла потерять не только оплату.

Она достала расписку из-за пазухи, положила возле фонаря и потянулась за ножом. Печать пришлось разрезать. Лезвие вошло в щель между крышкой и стенкой, дерево тихо хрустнуло. Тася надавила сильнее и отогнула доску.

Внутри лежало яйцо.

Оно занимало почти весь ящик, покоилось в мягкой шерсти и было расколото сверху. Пока Тася смотрела, один из осколков приподнялся. В щели появилась тёмная когтистая лапа, царапнула скорлупу и исчезла. Тася отшатнулась и ударилась затылком о дугу навеса. Фонарь качнулся у неё в руке. Она поставила его на пол, подальше от шерсти, и снова заглянула в ящик.

Из трещины показался мокрый нос. Существо внутри толкнулось, повернуло голову, и от яйца отломился ещё кусочек. За носом выбрался узкий лоб, потом одно плотно прижатое ушко. На второе навалилась скорлупа.

— Подожди. Ты сейчас себе…

Тася осеклась. Она понятия не имела, что ему можно повредить. Просто подхватила уже отломившийся кусок, прежде чем тот съехал на голову. Существо дёрнулось всем телом. Скорлупа разошлась, на подкладку выскользнул тёмный бок со скомканным крылом. Второе осталось внутри. Малыш заскрёб передними лапами, пытаясь вытащить себя, и тонко пискнул.

У него были крылья.

Тася посмотрела на них, потом на лапы, на длинный хвост, всё ещё свёрнутый в нижней половине яйца. Дракон. У неё в грузовом ящике вылуплялся дракон.

Он снова потянулся вперёд. Яйцо качнулось на мягкой подкладке, малыш перевалился через край и оказался мордой вниз. Тася успела подставить ладонь. Мокрое тело скользнуло в неё; задние лапы забарабанили по запястью, хвост наконец выдернулся из скорлупы.

Она сидела, не двигаясь, с новорождённым драконом на руке. Он помещался на ладони — если не считать хвоста. Тася осторожно поддержала его живот второй рукой.

— Ну? Ты целый?

Дракончик открыл рот и кашлянул. Короткая вспышка ударила в край расписки возле её колена.

Тася прихлопнула огонь рукавом. Бумага прилипла к шерсти, рассыпалась чёрными хлопьями, и она несколько мгновений смотрела на исчезающий край подписи. До Белого Моста оставалось меньше двух недель. Там она должна была передать груз, получить деньги и выплатить половину долга за повозку. Теперь подпись заказчика обуглилась, печать на ящике была разрезана, а сам груз полз вверх по её руке. Хвост обвился вокруг запястья. Маленькие когти вцепились в кожу, и Тася зашипела сквозь зубы.

— Тихо. Я тебя не бросаю. Только руку разожми.

Дракончик снова открыл рот. Она поспешно отвернула его от оставшихся документов, но на этот раз он лишь кашлянул. На большом пальце осталась тёмная слюна.

Светильник теперь сидел у неё на руке и пытался проглотить пуговицу.

— Выплюнь. Ну куда тебе её?

Тася поддела пуговицу ногтем. Дракончик возмущённо пискнул, откинулся назад и едва не свалился. Пришлось прижать его к груди. Под расстёгнутой курткой он сразу затих. Она опустила голову. Тёмная мокрая чешуя цеплялась за рубашку, крылья были скомканы по бокам. Одно ушко — или то, что она приняла за ушко, — прилипло к голове.

У этого ребёнка должна была быть мать.

Тася посмотрела в открытый ящик. Осколки скорлупы лежали среди мягкой шерсти. Под ними обнаружилась плоская грелка, ещё чуть тёплая, и мешочек с сушёной травой. Всё было уложено бережно. Даже выступающие из доски гвозди кто-то прикрыл сложенной тканью. Она подняла кусок скорлупы. Снаружи по нему проходила красная черта. Точно такая же была на крышке соседнего ящика. Тася медленно повернулась к остальному грузу.

Пять одинаковых крышек. Пять красных черт.

— Нет, — сказала она негромко.

Дракончик шевельнулся под курткой.

— Это я не тебе.

Она подвинула фонарь ближе и дотянулась до второго ящика. Крышка была прибита кое-как — впопыхах или специально, чтобы легко открыть. Тася подцепила доску ножом, надавила. Дерево скрипнуло.

Внутри лежало яйцо.

Большое, светлое, с серыми крапинами возле тупого конца. Она коснулась его пальцами. Тёплое. На мгновение стало легче: хотя бы это цело. Потом Тася поняла, что уже думает о них как о тех, кого нужно довезти живыми, и села прямо на пол.

За груз она отвечала своей повозкой.

Повозку ещё не выплатила.

Нестор сказал, что заказчик надёжный. Сам проверял бумаги, сам помогал затянуть крепления. Перед отъездом принёс ей горячий пирог и велел не экономить на ночлеге. Тася сжала нож так сильно, что заболели пальцы.

Почему он не сказал?

Из-за дощатой стены донёсся смех. На кухне звякнула посуда, кто-то попросил ещё пива. Можно было позвать хозяйку. Попросить разбудить городского стражника, если он здесь вообще есть. Утром повернуть обратно в Рудный Брод. Добраться до Нестора, положить перед ним обгоревшую расписку и потребовать объяснений. Дракончик вдруг задрожал.

Тася почувствовала это животом, через рубашку: мелкую, непрерывную дрожь. Она прижала ладонь к его спине, прикрывая влажные крылья.

— Эй. Ты чего?

Он не ответил даже писком. Уткнулся мордой в сгиб её локтя и обмяк. Тася торопливо сняла шарф. Ткань зацепилась за пуговицу, она дёрнула сильнее, услышала треск ниток. Завернула малыша, оставив голову снаружи, но шарф почти сразу намок. Нужна была сухая ткань. И тепло.

Она подтянула к себе дорожный мешок, вытащила запасные чулки, кусок мыла, наконец добралась до чистой рубашки. Той самой, в которой собиралась получать деньги у заказчика. Рубашка была мягкой. Тася сложила её в несколько раз и переложила дракончика. Он открыл один глаз.

— Вот так. Уже лучше. Сейчас я найду кого-нибудь, кто знает, что с тобой делать.

Под навесом хрустнул гравий. Она замерла, прислушиваясь. Шаги остановились возле повозки.

— Хозяйка сказала, здесь ночует возчица из Рудного Брода.

Мужской голос. Незнакомый. Тася положила нож рядом с бедром и прикрыла ребёнка краем куртки.

— Что вам нужно?

— Поговорить о твоём грузе.

Она посмотрела на открытый ящик. На скорлупу. На обгоревшие хлопья бумаги возле фонаря.

— Приходите утром.

За пологом стало тихо. Дракончик снова кашлянул.

— Он уже вылупился? — спросил мужчина.

Тася поднялась на колени.

— Кто вы такой?

— Сначала скажи, он дрожит?

Она сильнее прижала малыша.

— Отойдите от повозки.

— Если дрожит, убери мокрую ткань от кожи. Оберни сухой и держи у себя под одеждой. Постепенно согреется.

Он говорил спокойно и достаточно громко, чтобы она слышала каждое слово. Тася посмотрела на сырую рубашку, потом расстегнула жилет и осторожно устроила дракончика ближе к телу. Когти царапнули живот. Больно. Хорошо. Пусть лучше царапается.

— Я отступлю, — сказал мужчина. — Можешь посмотреть.

Она выждала несколько секунд и приподняла полог. Незнакомец стоял возле столба, в трёх шагах от повозки. Молодой, тёмноволосый, в дорожном плаще. Руки держал на виду. На воротнике блестели капли, хотя дождь закончился ещё до заката. Его взгляд сразу опустился к свёртку у неё на груди. Дракончик высунул голову.

Мужчина выдохнул, и напряжение на его лице стало заметно именно потому, что на мгновение исчезло.

— Сколько остальных ящиков ты открыла?

Тася не ответила. Он поднял на неё глаза.

— Их должно быть шесть.

Она накрыла ладонью затылок дракончика.

— В расписке написано четыре.

Глава 1. Человек, который знал число

Незнакомец перевёл взгляд с дракончика на обгоревшую бумагу возле её колена.

— Можно посмотреть расписку?

— Оттуда смотрите.

Тася подняла лист за уцелевший угол. Мужчина не приблизился, только чуть наклонил голову.

— Четыре светильника, — прочитал он. — Ниже что написано?

Она опустила бумагу к фонарю. По сгибу прошла чёрная трещина. Ещё немного — и лист развалится пополам.

— Принадлежности к установке. Два места.

Теперь ей самой хотелось залезть под повозку и остаться там до утра. Нестор объяснил всё ещё на складе: четыре светильника, отдельно подставки. Дорогая работа, стекло и тонкий металл, поэтому ящики одинаковые, каждый с мягкой набивкой. Она спросила, нужно ли сверить содержимое. Он показал печати заказчика и сказал, что вскрывать нельзя — потом не докажешь, что ничего не испортил.

Тася трижды проверила крепления. Пересчитала верёвки. Даже заставила заменить треснувшую доску под одним из ящиков. Внутрь не заглянула.

— Я не знала, что везу, — сказала она.

Незнакомец посмотрел ей в лицо.

— Я пока ни в чём тебя не обвиняю.

— А я пока ни в чём не признаюсь.

Он коротко кивнул, принимая поправку. Это почему-то раздражало сильнее, чем если бы он начал спорить. Дракончик пошевелился под её ладонью. Тася осторожно отняла пальцы: маленькая морда лежала на краю куртки, глаз был открыт. Уже не такой мутный, как прежде.

— Он согревается, — сказал мужчина. — Если позволит, посмотри на крылья. Они должны расправляться сами. Не тяни их.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

Она ожидала ещё какого-нибудь указания, но он замолчал. Тася подвинула фонарь ближе и отогнула край рубашки. Одно крыло уже отделилось от бока: тонкое, тёмное, со складкой посередине. Второе всё ещё прилипало к чешуе. Дракончик потянулся, оттолкнулся задними лапами от её живота и ткнулся носом в пуговицу жилета.

— Только попробуй, — предупредила она.

— Пуговицы лучше прикрыть. Он будет хватать всё, до чего дотянется.

— Это я заметила.

В голосе незнакомца появился почти неслышный смешок. Тася подняла глаза, и он снова стал серьёзным.

— Остальные яйца тёплые?

— Одно я проверила.

— Нужно проверить все. И заменить грелки, если они остыли.

Она посмотрела на пять остальных ящиков. Отпустить дракончика не получалось: стоило убрать поддерживающую руку, как он цеплялся сильнее. Когти были крошечными, зато удивительно острыми. Мужчина сделал движение вперёд и остановился, когда Тася потянулась к ножу.

— Я могу подержать его, пока ты откроешь крышки.

— Можете принести горячую воду.

Он несколько мгновений смотрел на неё. Потом спросил:

— С кухни?

— Если знаете другое место, где её берут ночью, несите оттуда.

На этот раз он улыбнулся заметно. Улыбка оказалась молодой, совсем не подходящей к спокойному голосу, которым он распоряжался её грузом.

— Нужен кувшин и сухая ткань. Я скоро вернусь.

— Подождите.

Он остановился.

— Как вас зовут?

— Рен.

Тася ждала продолжения. Его не последовало.

— Просто Рен?

— Для горячей воды этого обычно хватает.

Он ушёл раньше, чем она придумала ответ. Тася проводила его взглядом, пока дверь кухни не закрылась. Только тогда опустила нож. Следовало позвать хозяйку сразу. При свете, при людях этот разговор был бы совсем другим. Если мужчина имел право на яйца, пусть покажет бумаги. Если не имел — зачем она вообще с ним разговаривает?

Дракончик заёрзал у неё под курткой. Тася устроила его удобнее и осторожно провела пальцем вдоль спины. Чешуйки были гладкими, маленькими, ещё мягкими на краях. Он выгнул шею и прижался к её руке. Она больше не пыталась убедить себя, что утром просто вернёт заказ. На кухне загремела посуда.

— Горячая она, горячая! — донёсся голос хозяйки. — Не суй пальцы. Ещё и кувшин мне расколете.

Тася успела убрать нож под дорожный мешок, прежде чем дверь распахнулась. Рен вышел с кувшином и свёртком полотенец. Следом шла хозяйка, накидывая на плечи вязаную кофту.

— Тася, у тебя кто-то заболел?

Пришлось отогнуть куртку. Женщина остановилась так резко, что Рен едва не столкнулся с ней. Дракончик посмотрел на неё и открыл рот.

— Не наклоняйтесь, — поспешно сказала Тася. — Он иногда…

Тот кашлянул. Между зубами вспыхнуло и сразу погасло. Хозяйка молча забрала у Рена полотенца.

— В повозке с ним останешься — к утру все замёрзнете. Идите в сушильню. Там печь ещё тёплая.

— Я не могу оставить груз.

— Тогда несите груз. Только через двор, не через зал. Там два охотника ужинают, один с обеда пьёт. Ещё полезут смотреть.

Она протянула Тасе сложенное полотенце и повернулась к Рену:

— А ты кувшин поставь, прежде чем уронишь. Полный же взял, умник.

Он послушно поставил кувшин на землю. Тася спрятала улыбку, наклонившись к дракончику.

В тесной сушильне за кухней пахло мокрой одеждой. Хозяйка освободила лавку возле печи. Тася указывала, куда ставить ящики; Рен переносил их, не наклоняя, и она против воли замечала его осторожность. Когда он принёс последний, хозяйка поставила на стол похлёбку, хлеб и пустую чашку.

— Тебе, — сказала она Тасе. — Руки вымоешь, потом поешь. А ему что нужно?

— Я не знаю.

Тася посмотрела на дракончика. Хозяйка тоже посмотрела. Затем обе повернулись к Рену.

— Пока тепло и покой, — ответил он. — После вылупления они не сразу начинают есть. К утру понадобится мясной отвар без соли.

— Найдётся. За ночлег доплатишь утром, — добавила хозяйка уже Тасе. — Сейчас не ищи кошелёк.

Дверь она оставила приоткрытой. Тася была ей за это благодарна. Рен снял плащ и повесил его на свободный крюк. Под ним оказалась простая тёмная куртка, потёртая у ремня. Оружия Тася не увидела, хотя это мало что значило. Она сама ещё час назад не считала свой дорожный нож оружием.

— Давай попробуем положить его сюда, — предложил Рен.

Он устроил на лавке гнездо из полотенец, подложил снизу свёрнутую ткань, рядом поставил наполненную тёплой водой грелку из ящика. Тася опустилась на колени. Дракончик немедленно вцепился в жилет.

— Я здесь. Никуда не ухожу.

Она осторожно освободила одну лапу, затем другую. Хвост всё ещё держал её за запястье. Рен протянул ладонь, но не к малышу — под её руку.

— Переложи вес на меня. Ему будет легче отпустить.

Несколько секунд они сидели почти вплотную, неловко согнувшись над лавкой. Его пальцы были тёплыми. Тася чувствовала, как он поддерживает её запястье, пока она высвобождает последний коготь. Дракончик наконец свернулся в полотенцах. Хвост улёгся поверх морды. Тася ещё немного подержала ладонь у его спины.

— Теперь можно выдохнуть, — сказал Рен.

Она обнаружила, что и правда задерживает дыхание.

— Не командуйте.

— Попробую.

Он убрал руку. Только теперь Тася заметила четыре тонкие царапины на внутренней стороне своего запястья. Рен тоже их увидел, молча подвинул к ней чашку с водой и чистый угол полотенца. Она промыла руку, следя за дракончиком. Тот спал. Ей вдруг страшно захотелось сесть. Не на корточки, не на край лавки, чтобы в любой момент вскочить, а нормально, на стул. И чтобы следующие пять минут никто ничего от неё не требовал. Рен тем временем открыл второй ящик. Приподнял яйцо, проверил ткань под ним и вернул на место. Тася придвинулась ближе.

— Что вы смотрите?

— Нет ли трещин снизу. Иногда их не видно, пока не поднимешь яйцо. Вот здесь подержи.

Он передал ей грелку. Их работа заняла совсем немного времени: сменить воду, проверить подкладку, снова укутать яйцо. К третьему ящику Тася уже знала, что делать. В четвёртом под шерстью обнаружилась маленькая бутылочка. Рен взял её, прочёл надпись и нахмурился.

— Что там?

Он сразу повернул бутылочку к ней. На бумажной полоске было написано: «При охлаждении. Две капли в воду». Ниже — ещё несколько слов, выцветших от сырости.

— Лекарство для недавно вылупившихся, — сказал Рен. — Пока не нужно.

— Кто положил?

— Не знаю.

Он произнёс это без паузы, но бутылочку ещё некоторое время держал в руке. Тася запомнила. Когда они закончили с последним ящиком, она наконец села возле стола. Похлёбка остыла, зато хлеб был свежим. Первый кусок пришлось запить: горло свело, и только теперь выяснилось, насколько она голодна. Рен остался у лавки, где спал дракончик.

— Они ваши? — спросила Тася.

— Из нашего гнездовья. От разных семей, но содержали их вместе.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы отец?

— Нет.

— Я не обязана разбираться.

— Конечно.

Он не улыбался, но Тася всё равно почувствовала, что сейчас улыбнётся.

— Тогда кто?

— Меня отправили их найти и вернуть. Пропали шесть яиц. Я узнал, что груз ушёл через Рудный Брод, а оттуда его повезла девушка с собственной повозкой.

Он говорил спокойно. Слишком спокойно для человека, который только что нашёл шестерых пропавших детей. Хотя Тася сама, наверное, выглядела спокойной. Сидела и ела похлёбку.

— От кого узнали?

— От человека, который видел погрузку.

— Он видел, что внутри?

— Нет.

— Тогда как вы поняли, что это именно мой груз?

Рен посмотрел на раскрытые ящики.

— Число мест, время отправления, направление. А потом я услышал дракончика.

— Нестор знает, что вы их ищете?

— Это тот, кто дал тебе заказ?

— Да. Он много лет занимается перевозками.

— Ты давно его знаешь?

— Достаточно.

Рен не стал спрашивать, сколько это — достаточно. Подошёл к столу и сел напротив, оставив между ними миску и кувшин.

— Мне нужно посмотреть остальные бумаги. Там может быть имя получателя.

— Я и так его скажу. Торговый двор «Медная чаша», Белый Мост. Груз принимает управляющий. Деньги выдадут после проверки печатей.

— Имя управляющего есть?

Тася покачала головой.

— Нестор дал письмо для него. Запечатанное.

Рен выпрямился.

— Где оно?

— У меня.

Он протянул руку. Тася продолжила есть. Через секунду Рен опустил ладонь на стол.

— Я хочу узнать, кому собирались передать яйца.

— А я хочу понять, что будет со мной, если отдам вам письмо, груз и всё остальное. Вы уйдёте, а я останусь с испорченной распиской и чужими претензиями.

— Я подтвержу, что забрал яйца.

— Чем?

Он помолчал.

— Ты вправе попросить подтверждение.

— Я уже прошу.

Из-за двери донёсся голос хозяйки: кто-то пытался выяснить, почему сушильню заняли среди ночи. Она ответила, что там лежит заболевший постоялец, и велела искать свои чулки утром. Тася дождалась, пока шаги удалятся.

— Я не повезу детей людям, которые назвали их светильниками, — сказала она тише. — Но вам просто так тоже не отдам. Утром хозяйка приведёт старшего стражника. Вы покажете, кто вы. Он запишет, у кого забрали груз и кому передали. Потом я вернусь в Рудный Брод.

Рен провёл большим пальцем по краю стола.

— Я бы пока не советовал тебе возвращаться к Нестору.

Ложка стукнула о миску.

— Почему?

— Потому что он отправил тебя в дорогу с шестью яйцами под видом светильников. Нам нужно выяснить, знал ли он об этом.

— Может быть, ему тоже солгали.

— Может быть.

— Тогда не говорите так, будто уже всё решили.

Он посмотрел на неё, затем кивнул.

— Хорошо. Я не знаю, что ему было известно.

Тася отодвинула миску. Есть больше не хотелось. Нестор помог найти повозку. Уговорил прежнего владельца подождать с последней частью оплаты. Когда она порвала единственные приличные перчатки, молча оставил другую пару на ящике у конторы.

— До утра я останусь здесь, — сказала она. — И груз тоже.

— Я могу снять соседнюю комнату.

— Снимайте.

— Если малышу станет хуже, позовёшь?

Тася посмотрела на спящего дракончика. Одно крыло уже расправилось поверх полотенца. Рядом на лавке темнело мокрое пятно от его хвоста.

— Позову.

Рен поднялся.

— Тогда я узнаю насчёт мясного отвара.

Он взял пустой кувшин и пошёл к двери. Тася невольно проводила взглядом его руки. Кувшин, который ей пришлось бы нести обеими, он держал за ручку без видимого усилия. У порога Рен остановился.

— Как тебя зовут?

Она удивилась. За последний час успела рассказать ему, кому должна денег, где получила работу и куда едет, но имени он так и не спросил.

— Тася.

— В бумагах тоже?

— Таисия Руднева.

Рен повторил имя негромко, словно запоминал, и вышел. Тася достала из внутреннего кармана запечатанное письмо. Плотная бумага почти не помялась. Печать была цела. Нестор велел хранить конверт при себе и не отдавать никому, кроме управляющего. Она поддела ногтем край воска. Потом убрала руку.

Если вскроет, пути назад уже не будет. Нельзя будет прийти утром в контору и сказать, что случилась ошибка, что она ничего не знала и всё сделала, как велели. С лавки послышалось сонное сопение. Тася положила письмо на стол. Пути назад не было уже давно. Просто она всё ещё пыталась его найти. За дверью заговорила хозяйка:

— Кого тебе нужно?

Ответа Тася не разобрала. Мужской голос, запыхавшийся. Звякнуло что-то металлическое.

— Нет, в зал иди. Там свет есть.

Послышались шаги. Затем дверь сушильни приоткрылась, и в комнату вернулся Рен. Кувшина у него уже не было. Тася выпрямилась.

— Что?

Он прикрыл дверь, но не до конца.

— Пришёл дорожный посыльный. Привёз объявления для постоялых дворов.

В его руке был сложенный лист.

— Какие объявления?

Рен положил бумагу перед ней. Тася сначала увидела рисунок повозки. Одно колесо изображено с тёмной заплатой на ободе — там, где кузнец заменил повреждённый участок железа. Потом прочла собственное имя.

Ниже перечислялись приметы: тёмно-русые волосы, серо-коричневая куртка, два вьючных животных. Возраст — около двадцати лет. Ей было девятнадцать. Всё остальное совпадало.

Она пробежала глазами следующие строки и вернулась к началу.

«Подозревается в хищении драконьих яиц».

— Но я их везу, — сказала Тася. — По заказу. У меня…

Она посмотрела на письмо, на обгоревшую расписку, которую принесла из повозки и положила возле миски. Рен молчал. Внизу объявления стояло имя заявителя. Нестор.

Глава 2. Бронзовые крылья

Тася придвинула лист к свету. Под именем Нестора стояла печать его конторы: колесо с шестью спицами. Та же печать была на расписке. Она хорошо помнила, как Нестор подышал на медную рукоять, прижал её к воску и подождал, прежде чем поднять.

— Это ничего не доказывает, — сказала она.

Рен остался возле двери.

— Что именно?

— Что он меня ищет. Кто угодно мог взять бумагу с его печатью. В конторе работают ещё двое, они тоже принимают заказы.

Она перевернула объявление, зачем-то посмотрела оборот. Там ничего не было.

— Посыльный ещё здесь?

— Хозяйка наливает ему чай.

— Тогда я с ним поговорю.

Тася встала, но Рен не отодвинулся от двери.

— Он только что развёз объявления с твоими приметами. Если увидит тебя, может решить, что нашёл лёгкий заработок.

— А если не увидит, я так и не узнаю, откуда у него эта бумага. Мне нужно понять, что произошло. Вы предлагаете сейчас собрать вещи и сбежать, но тогда я буду выглядеть именно так, как здесь написано.

— Я пока предложил тебе прочесть объявление.

— Вы уже решили, что нам нужно уезжать. По лицу видно.

Рен посмотрел на ящики вдоль стены.

— Да, решил. Но я не собираюсь вытаскивать тебя отсюда силой.

— Тогда отойдите.

Он отступил. Тася взялась за ручку. В зале громко разговаривали и смеялись. Она представила, как выходит, а один из мужчин сравнивает её с объявлением: тёмно-русые волосы, около двадцати лет. Пять серебряных за сведения. Тридцать — за задержание вместе с грузом. Она убрала руку с двери.

— Пусть хозяйка спросит. Только чтобы он не понял, зачем.

Рен кивнул и вышел. Тася снова села. Её похлёбка стояла на столе, на поверхности застыл тонкий жир. Ещё несколько минут назад она собиралась допить бульон и попросить у хозяйки место возле печи. Теперь хотелось, чтобы её вообще не было на этом дворе. Она проверила дату. Объявление составили вчера.

До Белого Моста ей предстояло ехать ещё почти две недели. Никаких сроков она не нарушила. Не сворачивала с оговорённой дороги, не продавала груз, не теряла ящики. Даже колесо починила за свой счёт, хотя Нестор уверял, что оно выдержит весь путь.

Дракончик спал, положив морду на край полотенца. Тася поправила ткань возле его шеи и присела рядом.

— Ничего не понимаю, — сказала она ему.

Он шевельнул хвостом. Тася погладила его одним пальцем. Ей вдруг вспомнилось, как утром перед отъездом Нестор помогал затянуть последний ремень. Она стояла в повозке, он подавал ей свободный конец снизу. Сам сказал, что всё уложено хорошо. А потом объявил, что она это украла.

Дверь открылась. В сушильню вошла хозяйка — Марта, с двумя чистыми рубахами через плечо. Рен остался за ней.

— Посыльного наняли в Рудном Броде, — сказала Марта. — Нестор сам дал ему пачку. Велел оставить по листу на каждом дворе до Белого Моста и не задерживаться.

Тася некоторое время смотрела на полотенце у себя в руках.

— Он точно сказал, что Нестор сам?

— Я дважды спросила. Сначала будто не расслышала, потом уточнила, не его ли помощник. Нет. Сам.

— Может, груз действительно украли. До того, как его отдали мне.

— Может, — согласилась Марта. — Но твоё имя в объявление тоже кто-то вписал. И заплату на колесе описал. Её с дороги не каждый заметит.

Тася опустила глаза. Марта положила рубахи на стол и присела возле неё.

— Послушай. Я знаю, что он тебе помогал. Помню, как ты прошлым летом радовалась, что он обещал дать собственный рейс. Только сейчас тебе нужно подумать, что делать до утра. С Нестором будешь разбираться, когда рядом окажется кто-то ещё, кроме него и его работников.

— Я хотела позвать стражника.

— Я знаю. Но посыльный уже показал лист в зале. Тот, который в зелёной куртке, вышел во двор. Спросил, где тут можно посмотреть чужих животных.

Рен повернулся к двери.

— Как давно?

— Пока ты говорил с посыльным.

Он сразу вышел. Тася поднялась.

— Они не могут просто так забрать мои вещи.

— Не могут, — сказала Марта. — И в сушильню я их не пущу. Но повозка стоит снаружи. Если вцепятся в оглоблю и поднимут крик, я одна их не растащу.

Она развернула принесённые рубахи.

— Выбери сухую. Твоя совсем мокрая спереди.

Тася машинально взяла ту, что поменьше. Ткань была грубой, пахла мылом и печным теплом.

— Сколько я вам должна?

— За рубаху ничего, отдашь при случае. За комнату, ужин и корм заплатишь, как договаривались. Не стану я сейчас брать с тебя больше только потому, что деваться тебе некуда.

От этих слов Тася едва не расплакалась. Она отвернулась к стене, стянула куртку и принялась развязывать тесёмки жилета. Одна затянулась узлом. Пальцы не слушались. Марта молча помогла.

Рен вернулся, когда Тася заканчивала заворачивать дракончика. Малыш проснулся, недовольно завозился и попытался укусить край чистой рубахи.

— Повозку нашли, — сказал Рен. — Пока только рассматривают. Один остался во дворе, второй вывел лошадь.

Марта выругалась себе под нос. Тася подняла голову.

— А посыльный?

— Уехал. Он торопится к следующему двору.

— Тогда пусть тот, на лошади, тоже едет куда хочет. Я останусь здесь до утра. Стражник увидит расписку…

Она замолчала и посмотрела на обгоревший лист. Рен проследил за её взглядом.

— Мы можем остаться, — сказал он. — Только тебе нужно понимать: эти двое уже считают деньги. Они не знают ни тебя, ни Нестора. Если им придёт в голову увезти повозку раньше, чем проснётся стражник, нам всё равно придётся их останавливать.

— Вам легко говорить. Вы можете уйти. А меня потом будут искать на каждой дороге.

— Уже ищут.

Тася резко затянула узел на свёртке. Дракончик пискнул, и она тут же ослабила ткань.

— Я не хотела…

— Ты ему лапу прижала, — сказала Марта. — Вот здесь поправь.

Тася осторожно высвободила маленькую лапу. Дракончик уцепился за её палец и затих. Несколько секунд она смотрела на него.

— Вы знаете, где в Белом Мосту можно показать эти бумаги? — спросила она у Рена. — Чтобы их действительно прочитали, а не отправили меня обратно к Нестору.

— Знаю. Там есть люди, которые могут подтвердить, откуда яйца.

— И вы пойдёте со мной?

— Пойду.

— Я не отдам вам груз где-нибудь на дороге только потому, что вы передумали. Хочу сама увидеть, кому его передают.

Рен не ответил сразу. Тася подняла на него глаза.

— Это важно.

— Хорошо. Увидишь.

Она кивнула, хотя легче не стало.

— Тогда выезжаем. Марта, до большого моста можно добраться через нижние ворота? Не выезжая перед крыльцом?

— Можно. Но сначала нужно убрать чужие телеги. Я позову сына.

— Не будите его. Я помогу.

Тася попыталась подняться с дракончиком на руках, зацепилась ногой за край лавки и села обратно. Марта посмотрела на неё.

— Поможешь тем, что не будешь сейчас мешаться у ворот. Рубаху застегни. У тебя вся шея открыта.

Рен отвернулся к ящикам. Тася принялась поправлять одежду и только потом заметила, что он ждёт, не оглядываясь.

Пока Марта освобождала проезд, Тася складывала вещи. Скорлупу она собрала в пустой ящик вместе с лекарством и полотенцами. Обгоревшую расписку, письмо для управляющего и объявление завернула в сухую ткань. Теперь все три бумаги казались одинаково опасными, но бросить хотя бы одну она не решалась. Рен менял воду в грелках.

— Вы можете их унести? — спросила Тася. — Не по одному в повозку. Вообще отсюда.

Он поднял голову. Она почувствовала себя глупо, но продолжила:

— Вы сказали, что яйца из вашего гнездовья. Значит, вы тоже дракон?

— Да.

Рен ответил так буднично, что Тася несколько мгновений не знала, что спросить дальше. Он снова завернул грелку.

— Одного малыша я мог бы перенести недалеко, если хорошо укутать. Все яйца — нет. Нужны защищённые люльки, крепления. Ночью над рекой холодно, а через горы с ними сейчас вообще нельзя.

— А если низко, вдоль дороги?

— Тогда я окажусь большим драконом, который медленно летит над чужими дворами с чужим грузом. Нас заметят раньше, чем мы доберёмся до следующего поворота.

Тася представила это и нехотя кивнула.

— А я?

Рен отложил полотенце.

— Что ты?

— Если бы я сейчас согласилась отдать вам яйца. Вы бы улетели, а я осталась разбираться с объявлением?

— Я бы не оставил тебя здесь.

Он сказал это без улыбки. Тася посмотрела на него внимательнее, но по лицу ничего не поняла.

— Ладно. Тогда левый ящик несите последним. У него крышка держится хуже остальных.

Рен взялся за ручки.

— Этот?

— Нет, рядом. С потемневшей доской.

Он переставил руки. Почему-то от того, что он просто сделал, как она попросила, ей стало немного спокойнее. Во дворе было сыро и темно. Под навесом ещё теплился один фонарь. Тася привычно проверила упряжь, провела ладонью по шее серого мула и ощутила, как напряжённо стоят его мышцы.

— Тише. Это я.

Животное повернуло к ней морду и ткнулось в плечо. Рен подошёл с очередным ящиком, и мул отступил, звякнув сбруей.

— Он вас боится.

— Замечаю.

— Не идите ему в лоб. Обойдите с моей стороны.

Рен послушался. Тася поглаживала мула, пока тот снова не перестал переступать ногами. Из-за угла донёсся скрип двери. Она замерла. Марта вышла из кухни с ведром.

— Здесь занято, — громко сказала она кому-то невидимому. — Если вам нужен нужник, он с другой стороны. Я же объясняла.

Мужчина что-то ответил. Марта поставила ведро с таким грохотом, что Тася вздрогнула. Рен быстро поднял ящик в повозку. Тася затянула ремни, проверила каждый узел и устроилась на облучке. Дракончик лежал под курткой, поддерживаемый широкой полосой ткани. От его тепла постепенно согревался живот. Марта подошла к колесу.

— До каменного моста прямо. За ним держись левой дороги, там первые дворы стоят близко, если понадобится помощь.

Тася отсчитала деньги и вложила ей в ладонь.

— За комнату я почти не…

— Марта.

Хозяйка замолчала.

— Возьмите. И если придёт стражник, скажите, что я была здесь. Не надо ради меня врать. Только скажите, что я приехала с грузом сама и никому его не продавала.

Марта сжала её пальцы.

— Скажу.

Рен закрыл нижние ворота уже за повозкой и пошёл рядом. Тася не оглядывалась на крыльцо. Ей казалось, что если она повернёт голову, обязательно увидит там человека с объявлением.

До реки было недалеко. Повозка покачивалась на размокшей дороге. В домах по сторонам давно погасили свет; только у моста горели два фонаря. Тася различила тёмную полосу воды и каменные перила. Потом увидела лошадь. Человек возле неё стоял спиной, но зелёную куртку она узнала сразу.

— Рен.

Он уже смотрел туда. У мостового шлагбаума разговаривали двое. Один держал фонарь выше головы, освещая дорогу. Тася натянула поводья. Мулы послушно замедлились.

— Он успел раньше нас.

Рен взялся за борт.

— Есть другой переход?

Тася попыталась вспомнить дорогу, по которой ездила летом. Тогда большой мост ремонтировали, и муку возили через старую мельницу.

— Ниже по реке. Деревянный. Но я не знаю, в каком он сейчас состоянии.

— Далеко?

— Две улицы и спуск.

Со стороны каменного моста крикнули:

— Эй! Кто едет?

Тася дёрнула правый повод. Повозка свернула так резко, что Рену пришлось отступить.

— Не разгоняй, — сказал он. — Здесь колея глубокая.

— Я вижу.

Она ответила грубее, чем собиралась. Рен ничего не сказал. Позади снова закричали. Застучали копыта. Тася направила мулов между пустой телегой и каменной оградой. Спуск к мельнице был скользким. Она придерживала животных, чувствуя, как повозка давит сзади.

Дракончик зашевелился под одеждой. Пришлось одной рукой поправить ткань, другой удерживая поводья.

— Только сейчас не вылезай, — прошептала она. — Пожалуйста.

Старый мост показался за поворотом. Одни перила лежали в воде. Настил в середине заметно просел, а ближнюю часть прикрывали две свежие доски — слишком светлые на фоне остального дерева. Тася остановилась.

— Летом этого не было.

Рен вышел вперёд, поставил ногу на первую доску. Под ней что-то хрустнуло.

— Пешком пройдём. Повозку я бы сюда не…

Копыта загремели совсем близко. Из-за мельницы выехал мужчина в зелёной куртке. За ним показался второй всадник — тот, что остался во дворе.

— Стоять! — крикнул первый. — Девушку и повозку задержать!

Тася обернулась.

— По чьему приказу?

Он поднял лист, но фонарь в другой руке болтался так сильно, что прочесть что-либо было невозможно.

— Здесь всё написано. Слезай. Разберутся с тобой.

Рен встал между ним и повозкой.

— Объявление даёт тебе право сообщить, где она находится. Оно не даёт права её хватать.

— А ты кто такой?

— Человек, который предлагает тебе убрать руку от оружия.

Мужчина на лошади посмотрел на него, потом на повозку. Второй всадник объехал их со стороны реки. Тася увидела верёвку у него в руках.

— Не подходите к животным, — сказала она. — Они шарахнутся.

Он не послушал. Поднял руку, бросая петлю к передку повозки. Верёвка ударила серого мула по шее. Тот рванулся. Тася потянула поводья на себя, но второе животное уже бросилось следом. Повозка подпрыгнула на первых досках. Рен успел схватиться за оглоблю и побежал рядом.

— Держи их прямо!

— Я держу!

Под колёсами загрохотало. Одно заднее колесо провалилось, и повозку резко повело вбок. Тася ударилась плечом о стойку. Из груди вышибло воздух. Она успела прижать руку к дракончику, а потом увидела, как край борта опускается к воде. Ремни натянулись. Ящики сдвинулись и остановились. Мулы бились впереди, не понимая, почему больше не могут двигаться.

— Сиди! — крикнул Рен. — Не прыгай!

Он оказался возле животных. Мелькнуло лезвие. Одна постромка повисла, потом другая. Освободившиеся мулы рванули на дальний берег. Тася выпустила поводья, чтобы её не стащило следом. Повозка осела ещё ниже. Теперь её удерживали застрявшее колесо и обломок балки под осью.

— Рен!

Он стоял на краю настила. Посмотрел вниз, на камни у опоры, стянул куртку и бросил ей.

— Закрой малыша. И держись за переднюю стойку.

Тася схватила куртку, накрыла ею дракончика и вцепилась в дерево. Рен спрыгнул. Она услышала удар ног о камень, увидела, как он опустился на ладони. Пальцы разошлись, удлинились, упираясь в мокрую поверхность уже чёрными когтями. По рукам и плечам проступила тёмная чешуя. Ткань лопнула вдоль спины. Тася перестала дышать.

Его тело увеличивалось так быстро, что она не успевала следить за изменениями. Плечи поднялись выше сломанного настила, шея вытянулась, лицо исчезло в очертаниях огромной морды. За спиной развернулись крылья. Одно задело остатки перил. Дерево с треском ушло в воду. Повозку подхватило снизу.

Тася вскрикнула и сильнее прижала малыша. Над самым бортом показались когти. Они вцепились в край, продавив дерево, но удержали его. Рен поднял голову. От него шло тепло. В свете упавшего на берег фонаря чешуя отливала бронзой. Тася смотрела на пасть, которая могла сомкнуться вокруг её плеча.

— Не… — начала она и осеклась.

Дракон замер. С берега донёсся лошадиный визг. Кто-то ругнулся, торопливо, испуганно. Тася не повернулась: стоило ей отпустить стойку, как ноги начинали скользить по наклонному полу. Рен осторожно приподнял повозку. Переднее колесо упёрлось в торчащую доску.

— Подожди! — выдохнула Тася. — Так не выйдет. Колесо зацепилось.

Он перестал толкать. Она посмотрела вперёд. До берега оставалось меньше длины повозки. Левое колесо стояло на целой балке, правое съехало внутрь, туда, где не хватало настила. Нужно было выровнять передок. Тася перебралась через облучок. Ноги дрожали так сильно, что пришлось сначала сесть на край, а потом осторожно спуститься на уцелевшую доску. Под курткой пискнул дракончик.

— Я знаю, — сказала она ему. — Уже почти.

Ухватившись за оглоблю, Тася потянула её в сторону. Повозка не сдвинулась. Она посмотрела на Рена.

— Чуть выше. Совсем немного.

Дракон поднял заднюю часть. Тася навалилась на оглоблю всем весом. Передок повернулся, правое колесо встало на балку.

— Теперь толкай. Медленно.

Она пятилась, направляя повозку. Рен двигался за ней вдоль опоры, удерживая борт одной лапой, а второй поддерживая днище. Колесо добралось до земли. Потом второе. Тася потянула ещё раз и едва не упала, когда сопротивление внезапно исчезло. Повозка выкатилась на берег и остановилась, уткнувшись в рыхлый нанос. Несколько мгновений она не могла разжать руки.

Потом отпустила оглоблю и проверила дракончика. Он вывернул голову из ткани, сердито пискнул и вцепился ей в рубашку. Тася засмеялась — коротко, совсем не весело.

— Да. Я тоже.

С другого берега удалялся стук копыт. Она подняла голову как раз в тот момент, когда над остатками моста развернулись крылья. Рен оттолкнулся от камней. Воздух ударил Тасе в лицо, поднял мокрые пряди. Дракон пересёк реку одним тяжёлым взмахом и опустился на их берег, в нескольких шагах от повозки. Земля дрогнула. Тася отступила. Рен повернул к

ней голову, и она отступила ещё раз, прежде чем успела себя остановить. Он заметил. Сложил крылья. Медленно убрал переднюю лапу назад.

Тася стояла, прижав ребёнка к груди, и не могла заставить себя подойти. У неё болело плечо. На ладони остались занозы. В воде за спиной Рена плавала отломанная доска, которую его крыло сбило так легко, будто она ничего не весила. Он смотрел на неё знакомыми серо-зелёными глазами.

— Я понимаю, что это ты, — сказала Тася. Голос получился хриплым. — Просто дай мне немного постоять. Я сейчас не могу…

Она не закончила. Рен отвернул голову и отступил ещё на шаг. Только тогда Тася смогла выдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.